

Владимир БОНДАРЕНКО

г. Москва



«Северный край,
украин...»

Жил я в Норенской, в избе Таисии Ивановны Пестеревой, в том самом доме, где остановился в самом начале своей ссылки в апреле 1964 года Иосиф Александрович Бродский.

«Иосифа Александровича привел ко мне в апреле 1964 года директор совхоза Русаков, – рассказывала позже Пестерева. Но, судя по всему, охотно и присочиняла: – Вот тебе постоялец. Ты его не обижай, из города всё же да стихами занимается. Может, и про нас книжку напишет». Благодаря ссылке Бродского деревня Норенская и впрямь стала одним из знаковых мест на Руси, но вряд ли поначалу кто-нибудь из местных считал его поэтом. Тунеядец и тунеядец. Да и работник плохой. Таисия Ивановна позже вспоминала о своем постояльце: «Послал его бригадир жердя для огорожи секти. Топор ему навострили. А он секти-то не умеет – задыхается, и все ладони в волдырях. Дак бригадир Лазарев Борис Игнатьевич стал Иосифа на легкую работу ставить. Вот зерно лопатил на гумне со старухами, телят пас, дак в малину усядется и пока не наестся, не вылезет из малины. А телята разбрелись. Он бегом за ними. Кричу ему: не бегай бегом, растрясешь малину-то, я сейчас

железиной поколочу, и телята вернутся все!» Явно не деревенский ей постоялец попался. Но обходительный и вежливый.

Сам Иосиф Бродский вспоминает свой приход в дом к Пестеревой совсем по-другому: «Был обеденный час, когда я поднялся по крутым ступенькам одной из стародавних норенских изб. В темных сенях едва нашупал приземистую дверь, постучал. Никто не ответил. Решил войти без приглашения. В дальней горнице за столом с вспотевшим самоваром и скромной деревенской снедью чаевничала хозяйка. Обернулась на неожиданно-го гостя, засуетилась, приглашая пообедать...»

Я сам убедился, местные жители, не избалованные вниманием прессы, охотно предложат удобную для вас версию. Позже так же охотно сменят её на совсем другую. И не по злобе, не из корысти, из простого желания угодить заезжим журналистам. Из вежливости, из деликатности они подтвердят столичным журналистам любую версию. Так что рассказам коношан особо доверять не стоит, только фактам, письмам, документам, приказам по совхозу, выпискам из платежной ведомости, да и вообще здравой логике.

К примеру, где-то с июня 1965 года Иосиф Бродский работал уже разъездным фотографом в Коношском доме быта. Здесь и ведомости есть по оплате. Но ездить почти каждый день от Норенской до Коноши он никак не мог. И машин почти не ходило, разве что почтовый грузовик, и расстояние было почти 30 километров, вряд ли Иосиф часто решался идти пешком, путь немалый. Значит, находил возможность ночевать в Коноше, но по правилам ссылки жить в Коноше поэт не имел права, он должен был делать это тайно. И потому и коношский друг его Владимир Черномордик, и работники дома быта эти ночевки отрицали. А сейчас их уже и в живых не осталось. Но любой, кто поедит по местам ссылки, от Норенской до Коноши, убедится: ночевал Бродский в Коноше частенько. Следователь Коношской прокуратуры 60-х годов Леонид Алексеевич Дербин считал: «Думаю, в милиции знали, что Бродский останавливался у кого-то в Коноше, чтобы не ездить каждый день в Норенскую. Но квартиры в Коноше у него не было...»

Как считает начальница норенской почты во времена ссылки Бродского Мария Ивановна Жданова: «Когда Иосифу надо было в Коношу с ночлегом, он останавливался у племянницы деревенских хозяев, Лидии Шумихиной – Константин Борисович Пестерев договорился с нею на этот счет». Ночевал частенько он и у Владимира Черномордика, одессита со сложной судьбой, застрявшего после лагерного срока в Коношах.

По одним воспоминаниям местных жителей, он в Норенской, в доме Таисии Ивановны, прожил три-четыре дня, по другим: две-три недели, но достаточно короткий срок. Только я жил в этом же доме в гораздо лучших условиях. Он-то жил как бы в малюсенькой прихожей, спал в своем спальнике на жесткой скамье, мимо него целый день носи-

лась и детвора, проходили другие жители дома, соседи. Да и печку уже не топили. Ясно, что после двух-трех недель такой жизни Иосиф стал активно искать себе новое, более подходящее жилище.

Уже после того как Иосиф Бродский подыскал себе новое жилье, к Таисии Ивановне всегда в гости заходил, под конец даже золотой крестик подарил. Таисия Ивановна завещала: «Как умру, крестик от Иосифа со мной положите». Впрочем, и у этой версии с крестиком есть три местных варианта. Одни утверждают, что крестик Таисии Ивановне привезла из Питера в один из своих визитов Марина Басманова. Другие рассказывают, что подарил сам поэт в конце ссылки. По третьим утверждениям, Бродский, уже вернувшись из ссылки, прислал ей золотой крестик. Всё может быть.

Иосиф подыскал неподалеку отдельный зимник у Константина Борисовича Пестерева, вот у него и прожил всю ссылку. Но после конца ссылки, еще до перестройки (когда масса журналистов хлынула в Норенскую за сенсациями о Бродском, лауреате Нобелевской премии), и сам Константин Борисович, и его жена Афанасия Михайловна скончались в 1980 году. Дом их и вовсе развалился. Местные власти на этой развалюхе устанавливать мемориальную доску не пожелали, и вопреки всей правде ссылки, мемориальная доска уста-

новлена почему-то именно на доме Таисии Ивановны. Просто потому, что её дом и сейчас находится в более-менее приемлемом состоянии.

Продавщица норенского сельпо Зоя Полякова, сестра заведующей почтой Марии Ждановой, «тунеядца» не чуралась, общаясь с ним в магазине. Но откровенно возмущалась журналистскими небылицами:

– Уж сколько лет читаем в газетах, а теперь и по те-



Таисия Ивановна Пестерева

левизору слышим, что в Норенской Иосиф жил у Таисьи Пестеревой. А он и жил-то у нее, когда его определили на постой в этот дом, всего несколько дней и перебрался к Афанасии Пестеревой. У Афанасии и жил, пока был в ссылке. А мы только и слышим: Таисья да Таисья. Если приезжают в Норенскую фотографировать, прямиком идут к дому Таисьи. Беседовать про житье-бытье – опять же к Таисье.

– Да почему же не к Афанасии?

– А её уж нет давно, умерла в 1980 году.

– А другие очевидцы что же молчат?

– Им какая разница... Таисья-то жива еще, а Афанасии нет. Но жил Бродский у Афанасии...

Дом же Афанасии и Константина Пестеревых, где достаточно уютно жил поэт практически всю ссылку, восемнадцать месяцев, ныне находится в полностью разрушенном виде и, думаю, восстановлению не подлежит. Дом сейчас выкуплен у наследников Пестерева библиотекой имени Иосифа Бродского, они мечтают воссоздать его в прежнем виде, но вряд ли сумеют это сделать к надвигающемуся в 2015 году юбилею поэта.

Я пробрался внутрь, хотя все бревна опасно пошатывались, стена могла в любую минуту рухнуть, но увидел воочию, в каких условиях жил в ссылке Иосиф Бродский. У него получился как бы свой флигелечек, зимник с печкой и отдельным входом, как свой небольшой домик. А в большой летней избе жили хозяева даже зимой. Рядом с порушившимся домом Пестеревых находится дом Мальцевых, где сейчас открыт гостиничный домик, там же и банька небольшая, где мы с женой хорошо попарились, как говаривал Иосиф Бродский, «похвостались», и хозяйева, Лена и Толя, приветливые и гостеприимные.

Уже в американской эмиграции Иосиф Бродский, в 1976 году, в стихотворении, посвященном Марине Басмановой, вспоминает их счастливую совместную жизнь в избе у Пестеревых:

*Ты забыла деревню, затерянную в болотах
Залесённой губернии, где чучел на огородах
Отродясь не держат – не те там злаки,
И доро́гой тоже всё гати да буераки.*

*Баба Настя, поди, померла,
и Пестерев жив едва ли,
А как жив, то пьяный сидит в подвале
Либо ладит из спинки нашей кровати что-то,
Говорят, калитку, не то ворота.*

*А зимой там колют дрова и сидят на репе,
И звезда моргает от дыма в морозном небе.
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
Да пустое место, где мы любили.*

Как не побывать в том «пустом месте, где мы любили»? Хотя и с риском для жизни, но я облазил все развалины зимника, представил, где стоял стол с письменной машинкой, где была печь-лежанка, стоявшая посередине избы, отдельный вход в сени. Так что практически Иосиф Бродский жил в своем отдельном домике.

Платил Иосиф за аренду зимника по тем временам недорого, сто рублей (после денежной реформы это стало десять рублей, поэтому везде и пишут про десятку). Деньги уходили у хозяйина на водку. Часто и вперед просил, когда выпить хотелось. Бродский вспоминал: «Три рубля я тебе, Константин Борисович, дам, но где ты водку возьмешь? До ближайшего города 30 километров. На улице мороз и метель». А он мне отвечал замечательной русской поговоркой: «Не волнуйся, Иосиф Александрович, свинья грязи найдет». Наверняка шел к продавщице магазина домой, а та уже из опыта деревенского всегда держала дома заначку.

Жилье Иосифу Бродскому даже нравилось. По сравнению с закутком в «полтора комнатах» на Литейном, это было впервые в жизни его отдельное жилье, где он писал замечательные стихи, где на полу спали его друзья, регулярно приезжавшие к нему, где они наслаждались общением с Мариной Басмановой...

Он писал Насте Томашевской о своем зимнике: «Я живу один в деревянном домике, возле которого весь день гуляют куры и кричит петух. В домике шесть маленьких окон, и в них всегда можно увидеть коров, овец, козочек и лошадок. А за ними леса и леса. Днем я работаю где-нибудь в поле, а вечером зажигаю свечечку, сажусь и начинаю читать книжки». Между двух окон стоял прибитый к стене стол с письменной машинкой, с керосиновой лампой, чернильницей, подаренной Анной Ахматовой, и подсвечниками, привезенными Мариной Басмановой. Далее топчан с матрацем и лавка для посуды. Спартанский аскетизм. Но зато курил щедро «Честерфильд» и попил виски.

Нынешним молодым не понять, что это такое, в 1964 году в северной глуши спокойно курить «Честерфильд» и пить виски. Это всё равно что прилетать в ссылку на личном вертолете. Привозили друзья, их снабжали зарубежные коллеги. Конечно, какое-то время пришлось Иосифу поработать и на поле, и навоз потаскать, но, насколько я понимаю, особо работой не загружали. Наряд на работу ему выписывал его же хозяин, бригадир Константин Борисович, когда приезжали друзья или родственники, с работы отпускал. За неполных восемнадцать месяцев ссылки, с апреля 1964

года по сентябрь 1965-го, к нему не раз приезжали отец с матерью, Марина Басманова, Евгений Греф и Виктор Гиндлис (привезли от Фриды Вигдоровой пишущую машинку), Михаил Мейлах, Юлия Живова, Александр Бабёнышев (привез собрание сочинений Джона Донна от Лидии Чуковской), Гарик Гинзбург, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Игорь Ефимов и Яков Гордин, Константин Азадовский, трижды ему давали отпуск, и Иосиф Бродский приезжал в Ленинград.

Одни гости сменяли других. Иных он сам чуть ли не выгонял. Как минимум, раз в две недели кто-то приезжал. С продуктами, деньгами, сигаретами и спиртными напитками. Еще в те времена он стал достопримечательностью деревни. На его мнение «тунеядство» даже милиция не обращала внимания, тунеядцев в деревне хорошо знали, не подходил он ни по каким параметрам. Да еще и пишет что-то всё время. Не иначе как за веру сослала? Так и Таисия Ивановна Пестерева позже журналистам говорила: «Как ни загляну, он всё молится и молится...» Это Бродский стихи проформатывал вслух или книжки читал – молился!..

Как известно, сам Иосиф Бродский свой период северной ссылки называл лучшим временем в жизни. Многие считают, что поэт просто приукрашивал свое пребывание в деревне Норенской, не желая выглядеть в глазах мировой общественности политической жертвой. Он и о судебном процессе в Ленинграде не любил говорить. Ему важна была прежде всего его поэзия.

13 марта 1964 года Иосиф Бродский был приговорен к максимально возможному по указу о «тунеядстве» наказанию – пяти годам принудительного труда в отдаленной местности. Он был сослан в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норенская. Выбрал деревню сам, понравилось название, схоже с фамилией первой жены Евгения Рейна. Да и, как я понимаю после поездки в Норенскую, оценил то, что деревня находится на Вельском тракте, хоть как-то, но можно будет добраться до районного центра Коноша. Из более глухой деревни, в стороне от тракта, совсем бы не выбраться было.

Бродский провел здесь 18 месяцев, с апреля 1964 по сентябрь 1965 года, назвав потом это время лучшим в своей жизни. Он сказал о своей работе в Норенской: «Когда я вставал с рассветом и рано утром, часов в шесть, шел за нарядом в правление, то понимал, что в этот же самый час по всей, что называется, великой земле русской происходит то же самое: народ идет на работу. И я по праву ощущал свою принадлежность к этому народу. И это было колоссальное ощущение!..»

Для того чтобы понять это его состояние, надо самому побывать на станции Коноша, добраться до деревни Норенская, пожить несколько дней в доме Таисии Пестеревой, поговорить с людьми, помнящими его. Я лишний раз убедился, что по-настоящему большим поэтом, по-настоящему русским поэтом Иосиф Бродский стал благодаря северной ссылке. Поэт Игорь Царев не случайно удивлялся:

Проем окошка узкого, чайк из мать-и-мачехи...

Откуда столько русского в еврейском этом мальчишке?

Великого, дурацкого, духовного и плотского...

Откуда столько братского? Откуда столько Бродского?

И на самом деле, не попади он в ссылку, все равно стал бы поэтом, но – иным поэтом. Талантливым, интеллектуальным, но отнюдь не поэтическим мировым явлением.

Можно назвать это состояние «Норенским озарением», которое продолжалось лет пятнадцать, до первых американских лет, когда в США блестяще соединились в нем русская великая культура, чувство единения с народом и американская свобода самовыражения. Позже русскость стала понемногу уходить, да и среда была уже совсем другая, скептически-ироническая, усиливалось чувство одиночества, и поздняя поэзия стала переходить в меланхолично-мизантропическое состояние. Зато эти пятнадцать лет дали великого русского поэта, они же дали и лауреата Нобелевской премии...

Тем, кто хочет представить поэзию Иосифа Бродского вне «Норенского озарения», советую остановиться на его первой американской книге «Стихотворения и поэмы», выпущенной в Нью-Йорке эмигрантом второй волны Борисом Филипповым в издательстве с условным названием «Inter-Language Literary Associates» в 1965 году. Таким бы поэтом он и оставался в дальнейшем. Ни великолепной любовной лирики, ни северных глубинных стихов, ни погружения в мир английской поэзии. Всё происходило там, в Норенской...

В 1965 г. под давлением мировой общественности решением Верховного суда РСФСР срок высылки сокращен до фактически отбытого (1 год, 5 месяцев), в том же году в Нью-Йорке вышла без согласования с ним первая книга Иосифа Бродского на русском языке «Стихотворения и поэмы». Поэт в 1972 г. отзывался об этом событии так: «Я очень хорошо помню свои ощущения от моей первой книги, вышедшей по-русски в Нью-Йорке. У меня было ощущение какой-то смехотворности произошедшего. До меня никак не доходило, что же произошло и что это за книга».

Помню, когда в 1967 году Иосиф Бродский в своих полутора комнатах в доме Мурузи дарил мне эту книгу, он отозвался о ней крайне пренебрежительно, мол, составили будто бы её из отобранных при обыске стихов. (То есть выпустили в США под контролем КГБ. Иные, наоборот, считают, что выпустили книгу под контролем ЦРУ. К примеру, его друг Михаил Мейлах пишет: «Все знали, что оно (издательство. – **В.Б.**) финансируется ЦРУ, а чтобы «обезопасить» автора, на титульном листе обычно значилось, что издание выходит без его ведома и согласия».)

И тем не менее после выхода книги, после потока переводов стихов почти на все европейские языки его, как поэта, узнал весь мир. Но в этой книге еще не было лучших, северных стихов, написанных за время ссылки. Лучших любовных стихов. Стихов, возникших под влиянием английской поэзии. По сути, это книга ранней поэзии Иосифа Бродского. По ней можно понять, каким был бы поэт Иосиф Бродский, если бы не случилось ссылки...

И потому вернемся в Норенскую.

*Северный край, укрой.
И поглубже. В лесу.
Как смолу под корой,
Спрячь под веком слезу.
И оставь лишь зрачок,
Словно хвойный пучок,
На грядущие дни.
И страну заслони...*

Особенно поразило меня: «И страну заслони...» Ладно, сам под защиту Русского Севера просится, но что это он и о стране всей думать стал?

И не только в этом стихотворении. 14 августа 1965 года, уже в конце своего пребывания в деревне Норенская, поэт опубликовал в местной газете «Призыв» стихотворение «Тракторы на рассвете». Оставляю в покое оригинальное сравнение тракторов с утренними петухами, почти попрохановски. Но все тот же восторг перед утром трудового народа меня просто изумляет.

*И восходит солнце, и смотрит слепо,
И лучами сонными избы косит.
И тракторы возносятся как птицы в небо,
И плугами к солнцу поля возносятся.
Это рабочее утро. Утро народа!
Трудовое утро с улыбкой древней.
Как в великую реку, глядит на людей Природа.
И встает, отражаясь, от сна с деревней.*

Ладно бы это и на самом деле было какое-нибудь «паровозное» стихотворение. Хотя никаких «паровозов» Иосиф Бродский принципиально не писал. Об этом его восторге перед общим соборным трудовым утром народа он еще не в одном американском интервью скажет. До конца жизни помнить будет.

Приезжавший к нему в Норенскую друг Яков Гордин позже вспоминал: «Деревня находится километрах в тридцати от железной дороги, окружена болотистыми северными лесами. Иосиф делал там самую разную физическую работу. Когда мы с писателем Игорем Ефимовым приехали к нему в октябре шестьдесят четвертого года, он был приставлен к зернохранилищу – лопатить зерно, чтоб не грелось. Относились к нему в деревне хорошо, совершенно не подозревая, что этот вежливый и спокойный тунеядец возьмет их деревню с собой в историю мировой литературы».

Если честно, то особенно скучать Иосифу Бродскому не давали. Отец Александр Иванович приезжал три раза, что еще более важно, его возлюбленная Марина Басманова тоже приезжала три раза. Это были самые счастливые месяцы жизни у поэта.

*Да, сердце рвется все сильнее к тебе,
и оттого оно – все дальше.
И в голосе моем все больше фальши.
Но ты ее сочти за долг судьбе,
за долг судьбе, не требующей крови
и жалящей тупой иглой.
А если ты улыбку ждешь – стой!
Я улыбнусь. Улыбка над собой
могильной долговечной кровли
и легче дыма над печной трубой.*

«Новые стансы к Августе», 1964

Годы спустя в интервью Майклу Скаммелю на вопрос: «Как на Вашу работу повлияли суд и заключение?» Бродский ответил: «Вы знаете, я думаю, это даже пошло мне на пользу, потому что те два года, которые я провел в деревне, – самое лучшее время моей жизни. Я работал тогда больше, чем когда бы то ни было. Днем мне приходилось выполнять физическую работу, но поскольку это был труд в сельском хозяйстве, а не работа на заводе, существовало много периодов отдыха, когда делать нам было нечего».

Тогда, в 1964 году, в деревне Норенской было еще четырнадцать хозяйств. Сейчас осталось лишь несколько дачников. Лишь в одном доме, что стоит напротив избы Марии Ждановой, до последнего времени жили муж с женой – Валентина и

Афанасий Пестеревы. Афанасий умер, Валентина мне рассказывала, что она уже на зиму одна в деревне не останется, переедет к родственникам. Деревня совсем запустеет.

Приказом №15 по совхозу «Даниловскому» Архангельского треста «Скотооткорм» от 8 апреля 1964 года Иосиф Бродский был принят на работу в бригаду №3 в качестве рабочего с 10 апреля 1964 года. Худо-бедно, проработал до июня 1965 года, затем устроился фотографом в Коношский дом быта. Там числился до сентября. Осталось немало фотографий самых простых сельчан, коношан, сделанных разъездным фотографом Иосифом Бродским. В Коношском краеведческом музее называют этот цикл «Простые лица». Не пора ли организовать в Москве выставку фотографий этого простого сельского фотографа? Есть немало откровенных удач. Всё-таки пригодилась школа отца.

Сейчас уже мало осталось в Коноше людей, помнящих Иосифа Бродского. В деревне же сегодня нет ни одного постоянного жителя, последний сосед умер около года назад. Только несколько дачников. Да выходцы из этой деревни Лена и Толя Мальцевы привели в порядок дом, расположенный напротив дома Пестеревых, сделав его гостевым домиком, и выкупили дом Таисии Ивановны, тоже обновив его. Это их небольшой семейный бизнес, благодаря им держится до сих пор какая-то жизнь в деревне Норенская. Еще один дом Пашкова, прямо напротив дома Таисии Ивановны, сделали музеем сельского быта. Теперь главное – восстановить дом Пестеревых...

Поэт писал из Норенской И.Н.Томашевской: «И вот что я скажу Вам, Ирина Николаевна, напоследок: главное, не изменяться, я сообразил это. Я разогнал себя слишком далеко, и я уже никогда не остановлюсь до самой смерти. Все как-то мелькает по сторонам, но дело не в нем. Внутри какая-то неслыханная бесконечность и отрешенность, и я разгоняюсь все сильнее и сильнее. Единственное, о чем можно пожалеть, что мне помешают сказать об этом всем остальным, – не будет возможности написать эти главные стихи. Но даже тогда – в этом сожалении – я буду знать, что я чист перед Богом (и перед землей), потому что я поступал так, как это нужно было небу. В общем, я ни в чем на свете не виноват – ни духовно, ни нравственно. В первом я не сомневаюсь, а второе сумел искупить. И это во мне говорит не гордыня, а смирение, но смирение гор перед небом. Хватит с меня. Горе должно рождать не грусть, а ярость, и я яростен» (из письма И.Н.Томашевской, 19.1.65. Норенская).

Там, в Норенской, для него сошлось всё: и познание души народа, и познание любви (самые счастливые дни жизни), и познание мировой культуры. Надо было добраться в архангельскую глушь, чтобы понять важность для себя английской поэзии, Джона Донна, Одена, Хини и других.

В ссылке Иосиф Бродский вспоминал, как он пришел к своему открытию Джона Донна: «Самое интересное, как я достал эту книгу. Я рыскал по разным антологиям. В шестьдесят четвертом году я получил свои пять лет, был арестован, сослан в Архангельскую область, и в качестве подарка к моему дню рождения Лидия Корнеевна Чуковская прислала мне – видимо, взяла в библиотеке своего отца – издание Донна в «Модерн лайбрери».

Приехали мы с женой из Москвы в Коношу поздно вечером. Встречала нас заведующая отделом туризма районной библиотеки имени Иосифа Бродского Надежда Ильинична Гневашева. Переночевали в гостинице и рано утром вместе с Надеждой Ильиничной отправились по следам поэта. Прекрасный экскурсовод, любящая и поэзию Иосифа Бродского, и свое краеведение. Она знает все места, где в Коноше бывал или останавливался поэт: милиция, суд, некое подобие тюрьмы, где держали задержанных, в том числе и Иосифа Бродского, библиотека, аптека, Дом культуры, комбинат бытового обслуживания, где Бродский работал разъездным фотографом, редакция газеты, где были напечатаны два стихотворения Бродского: одно – 14 августа 1965 года, второе – 5 сентября 1965 года. Газета не решилась опубликовать третье, предложенное Бродским «В деревне Бог живет не по углам», но это и понятно, не до Бога тогда было начальству.

*В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
И честно двери делит пополам...*

*...
Возможность же всё это наблюдать,
К осеннему прислушиваясь свисту,
Единственная, в общем, благодать,
Доступная в деревне атеисту.*

Конечно, такое стихотворение непредставимо для раннего, питерского Бродского. И полтора года наблюдения за органической естественной религиозностью русского деревенского быта здорово изменили самого Бродского и его поэзию. Эта благодать стала пронизывать и самого поэта, уменьшая долю его атеизма. Тогда же было написано стихотворение «Народ», не знаю, почему его не предложил поэт коношской газете?

Там же возникло изумительное лирическое, утопическое, несостоявшееся «Пророчество» о будущей счастливой семейной жизни с Мариной:

*Мы будем жить с тобой на берегу,
Отгородившись высоченной дамбой
От континента, в небольшом кругу,
Сооруженном самодельной лампой...*

...

*Придет зима, безжалостно крутя
Осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
То назовем Андреем или Анной,
Чтоб к сморщенному личику привит,
Не позабыт был русский алфавит...*

Из этого «Пророчества» Иосифу удалось исполнить только часть, касающуюся детей, и то в ином варианте. Сына от Марины они так и назвали Андреем, а вот дочурку ему подарила уже жена Мария, но назвали её все-таки согласно «Пророчеству» Анной. И потому я не склонен считать, что это имя посвящено Анне Ахматовой, скорее дань «Пророчеству».

Надежда Ильичина почти все северные стихи Бродского знает наизусть, она и читала их нам, переходя от мемориальной комнаты Бродского к краеведческому музею и далее – к зданию милиции, к суду, даже к изолятору, где содержали какое-то время поэта. Побывали мы и в редакции газеты «Коношский курьер», бывшая газета «Призыв», где печатались первые стихи Бродского. Для меня весь районный городок Коноша был как музей Бродского под открытым северным небом.

Такую идею музея под небом на примере всей деревни Норенская впервые предложил известный бродсковед, знаток Русского Севера, ныне председатель правления Фонда создания музея Иосифа Бродского Михаил Исаевич Мильчик. Он же и старается осуществить идею восстановления дома Пестеревых, сделал все архитектурные замеры. Михаил Мильчик на примере Норенской надеется объединить музей быта и архитектуры Русского Севера и музей русского поэта Иосифа Бродского.

Купил я в Коноше и книги о Бродском, вышедшие в местном издательстве: сборник докладов Международной конференции в Коноше 2009 года «Ссылка в Норенскую в жизни и творчестве Иосифа Бродского», очень любопытную книгу местного коношского краеведа Сергея Конины «Коношане и Бродский» и книгу отчаянной провинциальной либералки Нины Бахтиной, напрочь отвер-

гающей северное влияние на поэзию Бродского. Нина Бахтина и меня в своей книге пытается оспорить, даже не понимая, что при этом унижает самого поэта. Сначала автор критикует заметки Солженицына о поэте, затем переходит ко мне: «И как умудрился интонационно и словесно переиначить сказанное Солженицыным москвич Владимир Бондаренко в своих заметках о Бродском: «Нет, прав и прав Солженицын, подольше бы ему пожить в деревне...» Иной вопрос: была бы лучше или нужнее для поэта «та составляющая в его развитии», так ли уж в его дальнейшей жизни были ему необходимы длительные деревенские восприятия. Вероятно, городские апартаменты вполне обойдутся без горшков с ванькой мокрым (бальзамино), вполне прилично смотрящимся в деревенской избе...»

Будто вся польза пребывания в северном краю заключалась в горшках с цветами или в тех или иных деталях этнографического деревенского быта. Сам Иосиф Бродский вроде как бы ответил Бахтиной: «... я был тогда городским парнем и, если бы не та деревенька, им бы и остался. Возможно, я был бы интеллектуалом, читающим книги – Кафку, Ницше и других. Эта деревня дала мне нечто, за что я всегда буду благодарить КГБ... Для меня это был огромный опыт, который в каком-то смысле спас меня от судьбы городского парня...»

Дальше Бахтина решила переспорить даже питерских скептиков, обрушившись на стихотворение Бродского «Народ». Бахтина пишет: «...требуется совсем иная интерпретация, которая не унижит Бродского... и не подаст поэту милостыню обманного величия. Да, написал Бродский стих «Народ», хотя такого народа в массе ни в одном царстве-государстве не прослеживается. Ну и что? За это поэт в ответе только перед собой и Богом. По какому праву хулители или восхвалители, что в данной ситуации практически равнозначно, по-прежнему приставляют нож к горлу светлой тени поэта. Именно таковы восхваления Владимира Бондаренко. И не хотелось бы думать, что Бродский... столь негениально пошутил. Однако и эта дорога в мире поэзии торная. Вспомним шутку Пушкина с Моцартом и Сальери...»

Вроде бы сначала остановилась Бахтина на версии неудачной шутки Бродского, написавшего «Народ». Но пошла дальше, решила, что поэт хитро задумал угодить властям. «Предположение, унижительно отвергнутое Бондаренко, что стих «Народ» воспринимают как «паровозик», написанный в надежде на снисхождение властей, – вполне вероятно. Ну и что? Интересно, кто из нас,

даже не пинанный и не оплеванный принародно, людей из слабой плоти и горячей крови, в данной ситуации отказался бы от подобного «паровозика»?.. «Паровозики» в России неистребимы. Они были, есть и будут бегать по рельсам нашего перевернутого с ног на голову быта (бытия)...»

Может быть, «паровозики» такие лакейские и будут вечно бегать, но не в головах таких поэтов, как Бродский, считавший это стихотворение крайне важным и совершенным. Константин Аздовский вспоминает о своей поездке в Норенскую к поэту: «И, наконец, с каким-то особенным чувством он прочитал стихотворение о русском народе («Мой народ, не склонивший своей головы...»). В этом пафосном стихотворении, потрясшем меня своей экспрессивностью, было несколько замечательных строк («Припадаю к народу, припадаю к великой реке... Пью великую речь, растворяюсь в её языке»), но в целом оно показалось мне чуждым поэтике самого Бродского, о чем я тут же и сказал ему. Но он прервал меня, заявив, что эти стихи для него очень важны, и я не стал с ним спорить... Оказавшись в деревне и приобщившись к её повседневности, Бродский увидел перед собой тот пласт русской жизни, который... всегда воспринимался в России как естественный, «органический». Бродскому казалось, что здесь он соприкоснулся с вековым и вечным: страной, её народом и языком. Сознание Бродского чутко реагировало на всё «изначальное», возникшее, как принято говорить, по Висшему замыслу...

...В ряду этих существенных явлений, образующих сердцевину бытия, и оказались для него «русский народ» и «русский язык. Он вдохновлялся ими, точно так же, как и другими ликами Вечности, пульсирующими в его лирике: бездонной синевой неба, гулом океанских волн и т.п...».

Ну а горе-исследователи, принижающие поэта до пошлых «шуток» или «паровозиков», даже не понимают, что оскорбляют такими высказываниями поэта и его память.

Даже минуя это знаковое стихотворение «Народ», уже в эмигрантских интервью в разные годы – Свену Биркертсу в 1982 году, Джованни Буттафаве в 1987 году, Ларсу Клебергу и Сванте Вейлеру в 1988 году, и так далее, он постоянно говорит все о том же постижении смысла народной жизни, общности с народом, своей «принадлежности к этому народу», тут уж ни на какие «паровозики» эти интервью не спишешь.

Коношский краевед Сергей Конин дотошно и простодушно собрал воспоминания чуть ли не 50 коношан и норенчан, в свое время знавших Иоси-

фа Бродского, и написал свои провинциальные записки «Коношане и Бродский». Он показал отношение самих коношан к поэту, уточнил и некоторые детали его пребывания в ссылке. К примеру, рассказал, что, конечно же, публикация двух стихов Иосифа Бродского в местной газете «Призыв» стала возможной благодаря негласному добру первого секретаря райкома партии Зарубина. Тем более в райкоме уже знали о предполагаемом досрочном освобождении поэта из ссылки. Вот и дали добро, из тунеядца сделали вполне советского поэта...

Книжка еще полезна и тем, что перечисляет всех местных жителей, связанных с Бродским. В мемуарах заезжих питерских друзей говорится лишь об отношениях этих приятелей к самому Бродскому, про коношан ни слова. Как пишет Сергей Конин: «А если есть, то с таким высокомерием...» Своему коношанину местные жители не придумывали байки. Кто еще мог бы опросить шоферов, крутивших баранку, развозя по сельмагам товары, как Георгий Денисов, или возивших районное начальство. И те и другие не раз подвозили Бродского из Коноши до Норенской и наоборот. Помнят и его фразу: «Ужасная дорога, зато красота какая...» Начальник райотдела милиции Василий Кузнецов даже рассказал, как Иосиф Бродский, сидя в КПЗ за решеткой (по доносу совхозного начальства за несвоевременное прибытие из отпуска в Ленинград), сочинил большое стихотворение, посвященное коношской милиции, «с настроением и пафосом». Хранил это стихотворение милиционер в сейфе, вместе с личным делом сыльного Бродского, но потом затерялось. Может, и всплывет в архивах архангельской милиции. Нина Семенова, работник коношского фотоателье тех лет, разъяснила и вопрос с жильем в Коноше. «Переселиться на постой в Коношу Бродскому не разрешили бы, потому он и наведывался в контору не каждый день. Но наведывался довольно часто и явочным порядком ночевал у кого-нибудь из знакомых».

После всех бесед с людьми, знавшими Бродского, Сергей Конин даже удивлялся, как поэт за короткое время успел не только освоиться в Коноше и Норенской, но и завести обширный круг приятелей и знакомых. Краевед писал: «Поэт-гражданин Бродский серьезно интересовался историей нашего края и в этом смысле может быть назван одним из первых краеведов Коношского района... Приезжий Бродский <...> моих земляков знал лучше меня». Николай Матюшин, начальник сельпо, вспоминает, как впервые встретил Иосифа Бродского еще в первые дни проживания

у Таисии Пестеревой: «Я тогда подбирал жилье для бригады строителей – надо было строить новый магазин. Бродского не очень устраивало жилье у Таисии Ивановны, у неё всегда былолюдно, и он согласился переехать в отдельный домик Пестеревых... А бригада поселилась у Таисии Ивановны». Вот и поставлены все точки над «і» в отношении проживания поэта в ссылке. Еще одна деталь: тот же Матюшин рассказывает Сергею Кониному, как не раз возил поэта на машине в Лычное, где он работал ночным сторожем на ферме.

Жителям было интересно прочитать, что же пишет в эмиграции об их деревне знаменитый поэт, многое и оспаривали. Та же продавщица Зоя Полякова не скрывает обиды, прочитав, что, кроме водки и мыла, ничего в магазине не было. Сельмаг – не захудалый ларек на отшибе, тем более на большой дороге стоит, товара хватало, и свежая треска в бочке всегда стояла. Но Иосиф хоть и ходил часто в магазин, только за мелочью: соль, спички. Продукты ему привозили из Ленинграда. Интересная сценка, описанная Поляковой: «Посылали его огород городить, и он у нарядчика спрашивает: «Сколько заплатите за день?» Тот ответил: три рубля. Тогда Бродский говорит: «Давайте я вам три рубля заплачу, а вы наймите кого-нибудь, я городить не умею». Вот так и договаривались по-житейски. Думаю, эту книгу Конино хорошо бы и в Москве перепечатать хоть в сокращении, много верных бытовых подробностей.

Встречался коношский краевед и с трактористом Александром Буловым, тем самым, который стал героем стихотворения Бродского:

*А. Булов – тракторист – и я.
Сельскохозяйственный рабочий Бродский,
Мы сеяли озимые – шесть га.
Я созерцал лесистые края
И небо с реактивной полоской,
И мой сапог касался рычага...*

Думаю, букву в фамилии Булов Бродский изменил намеренно, вдруг стихотворение не понравится начальству. Сам Сергей Конино считает, что могли попросить и проверяющие из органов, регулярно навещавшие поэта, читавшие все стихи, отпечатанные на машинке, и подумавшие, что ни к чему поэту-тунеядцу вписывать в свои стихи местный народ. Вот так и стал в истории русской поэзии тракторист из деревни Лычное Булов – Буловым. Булов, конечно же, таким неумелым помощником был недоволен, мешал дневную выработку сделать, что видно и по стихотворению, где Бродский не столько сеет, сколько «созерцал ле-

систые края...», но видел, что его помощник приносит мало пользы не от лени или со зла, а от полной непригодности к такой работе. К тому же выходит на целый день в поле с парой каменных пряников. Поглядит Саня Булов на эти пряники и зовет поэта на обед к себе домой.

А эти запечатленные шесть га из стихотворения Бродского я исходил своими ножками, это известное поле, которое сейчас зовут Майданом, по дороге из Коноши в Тавреньгу. Прошел я и по лугам, где поэт пас деревенских телят. Попил воду из родника в Норенской, откуда Бродский таскал воду себе для питья. В краеведческом музее сохранились и две фотографии, сделанные Иосифом Бродским: Александр Булов у трактора, одна – зимой, другая – летом. Так что хоть и ворчал тракторист на своего неумелого помощника, но работал с ним целый год.

У Сергея Конино набралось более пятидесяти человек из местных жителей, знавших и помнивших поэта. Даже дочек завпочтой Марии Ждановой вспомнил, которым то ли сам поэт, то ли Марина Басманова привозили из Ленинграда ленты для косичек. По одним воспоминаниям – атласные, по другим – нейлоновые. Думаю, что – нейлоновые, атласных и на севере хватало, а в те шестидесятые годы всё нейлоновое – мужские рубашки, сорочки и трусики для девушек, бантики для девочек – было в большой чести. Это сейчас всю подобную липкую химию никто и носить не будет, даже в глухой деревне, тогда этот нейлон символизировал Запад, иной мир. Но Конино молодец, что подметил все эти детали, собрал все бытовые воспоминания очевидцев. Честь за это и хвала коношскому краеведу.

Благодаря его книге и благодаря походам по Коноше вместе с Надеждой Ильиничной уже через пару дней я знал все главные места пребывания Иосифа Бродского в ссылке, запечатлел на фотографиях. Судя по всему, люди кто с симпатией, кто с иронией, но в целом очень доброжелательно относились к поэту. Даже местные секретари райкома, начальники милиции, проверяющие из КГБ. Все – из местных же крестьян, все – свои, природные люди. Иосиф Бродский вспоминал: «Мне гораздо легче было общаться с населением этой деревни, нежели с большинством своих друзей и знакомых в городе... Люди там, в деревне, колоссально добрые и умные». «Еще тогда, когда до Нобелевской премии было далеко как до Царствия Небесного, а до срока четыре шага, я для себя цену Бродского определил. Таких поэтов, как Бродский, создает сам Бог». (В.Черномордик, коношский друг поэта)

«Хорошо запомнила. Стоит у меня на почте, опершись на стойку, смотрит в окно и говорит в таком духе, что о нем еще заговорят. Я тогда еще подумала грешным делом: кто же о тебе заговорит, о тунейдце? Запомнились те слова от сомнения – кому ты, больной и ни к чему не гожий, нужен и где о тебе говорить-то будут». (Мария Жданова)

За день до отъезда встретились в Коноше с Тamarой и Александром Распоповыми, предпринимателями средней руки, увлекшимися и поэзией Иосифа Бродского, и историей его пребывания в их городке. Они создали свой частный музей поэта. Собирают все книги, написанные и изданные поэтом, все книги о его творчестве, сняли видеофильм – беседу с Таисией Пестеревой. Отец Александра Борисовича работал шофером в райкоме партии и не раз подвозил Бродского до деревни из Коноши. Вот так и узнал маленький Саян еще в детстве про ссыльного поэта. Есть в Коноше и две скамейки в память о Бродском. Одна – перед входом в библиотеку имени Иосифа Бродского, на ней цитаты из северных стихов, рядом металлический силуэт самого поэта. Другая, отлитая из чугуна, перед частным музеем Распоповых, на ней обложка книги – «Ниоткуда с любовью», и вместо спинки тоже из чугуна – уходящие ввысь небоскребы Нью-Йорка.

Здесь, в Коноше и Норенской, понял Иосиф Бродский, что важнее всех страданий интеллигента молча гибнущее крестьянство, которое не поддержит никакой Запад, никакие правозащитники. Интеллигенту ли стонать о своей трагич-

ности, когда, как писал Бродский: «существует огромное количество людей, которые оказываются в драматических ситуациях. Я имею в виду крестьян».

Вплоть до 1973 года в Норенской не было электричества, а водопровода и канализации нет и поныне. Впрочем, треть России вообще не газифицировано, хотя мы продаем газ всему миру. Может, пора из украинской трубы в русские деревни газ перекачивать? Вот и остались один дивный и чудный русский фольклор и фольклорный русский поэт Иосиф Бродский с его завораживающей песней:

*Пришел сон из семи сел.
Пришла лень из семи деревень.
Собрались лечь, да простыла печь.
Окна смотрят на север.
Сторожит у ручья скирда ничья,
И большак развезло, хоть бери весло.
Уронил подсолнух башку на стель.*

□

Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО

родился в 1946 году в Петрозаводске.

Начинал печататься в журнале «Север».

Работал в «Литературной России», в журналах «Слово»,

«Октябрь» и «Современная драматургия».

Автор 27 книг о литературе, искусстве, политике.

Один из ведущих критиков России,

публицист, редактор.

Живет в Москве.

